

33. *Свешников П. К.* Проблема происхождения Комаровской культуры // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976. С. 96—118.
34. *Мачинский Д. А.* Кельты на землях к востоку от Карпат // Археологический сборник Госэрмитажа. Вып. 15. Л., 1973.
35. *Козак Д. П.* Могильник пшеворской культуры в Грине Верхнего Поднестровья // Археология. 1985. № 52.
36. *Мелюкова А. П.* Скифия и фракийский мир. М., 1979. С. 3—4.
37. *Пассек Т. С.* Раннеземледельческие трипольские племена Поднестровья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1961. № 84. С. 202—203.
38. *Збенович В. Г.* Поселение Бернашовка на Днестре. Киев, 1980. С. 155.
39. *Тереножский А. П.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.
40. *Рибалова В. Д.* О связях правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа // Исследования по археологии СССР. Вып. 1. М., 1961.
41. *Березанская С. С.* Об этнической принадлежности чернолесской культуры // Тр. междунар. конгр. археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 12—18.
42. *Палинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975. С. 176—177.

© 1990 г.

БОБРИК М. А.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРАВИЛЬНОСТИ ТЕКСТА И ЯЗЫКА В ИСТОРИИ КНИЖНОЙ СПРАВЫ В РОССИИ (ОТ XI ДО XVIII в.)

1. Введение. В ценностной иерархии средневековой словесности первичное положение занимают сакральные тексты. Они служат образцами при создании оригинальных произведений и выполняют роль камертона правильности. Слежение за правильностью самих сакральных текстов составляет цель книжной справки — работы книжников по исправлению богослужебных книг и библейского перевода. Исходным текстом для славянской, в частности, русской книжной справки является корпус кирилло-мефодиевских переводов с греческого языка на славянский. Сопровождая бытование этого корпуса текстов в Славии, книжная справа вплоть до XVII в. сохраняет значение основного способа нормализации текстов и языка книжности [1]. Представления о правильности, складывающиеся у славянских книжников на том или ином этапе справки, формируют систему ценностей филологической культуры соответствующей эпохи. Поэтому важно понять, каким конкретным содержанием могло наполняться понятие книжной правильности, как менялись представления о ней русских филологов, каковы закономерности этих изменений.

Наблюдения над исправлениями, внесенными книжником в имеющийся текст, дают основания судить о мотивах правки и тем самым о нормативных представлениях справщика. Суммируя имеющиеся данные по истории книжной справки, можно выделить четыре основных фактора, воздействующих на правку, а именно: 1) кодекс правил, 2) тексты-образцы (традиции текстов), 3) иноязычный оригинал, 4) система обиходного языка¹. Соотношение этих моментов между собою, характер каждого из них могли меняться на протяжении истории справки, и вместе с тем менялось содержание понятия правильности: она могла пониматься как буквальное следование греческому оригиналу, как воспроизведение традиционного славянского текста древнейших списков, как применение определенной системы правил орфографии и грамматики, как создание текста, максимально понятного верующим.

То или иное понимание книжной правильности связано с типом отношения к (сакральному) тексту — конвенциональным или неконвенциональным. Конвенциональный подход основан на идее условной связи между означаемым и означающим в слове; для него характерно релятивное

¹ Воздействие живой речи на язык стандартных церковнославянских текстов опосредствовано, однако, книжными нормами. Оказавшиеся отражения ее в этих текстах являются, строго говоря, отклонениями от нормы и потому не влияют на формирование нормативных представлений.

восприятие пратекста, стремление «улучшить» первоначальный перевод, приспособить его к локальным нормам книжности. Неконвенциональный подход к тексту основан на идее безусловной связи между означаемым и означающим; он характеризуется стремлением сохранить в первоначальном виде или реставрировать пратекст. Таким образом, неконвенциональный подход связан с консервативным началом, которое в определенных культурно-исторических условиях проявляется как реставрационное, в то время как конвенциональный подход связан с началом конструктивным.

В истории книжной sprawy конфликт этих подходов проявляется на двух уровнях. На одном из них сторонники sprawy противостоят противникам ее; на другом уровне возникает полемика между сторонниками конвенционального (конструктивного) и неконвенционального (реставрационно-консервативного) путей sprawy.

В данной статье предлагается первоначальная систематизация фактов истории книжной sprawy и филологической мысли в России в период с XI по XVIII в. с точки зрения противопоставления конвенционального и неконвенционального подходов к сакральному тексту. Цель такой систематизации — наметить линии развития представлений русских книжников о правильности текста и языка.

2. Книжная справа XI—XIV вв. Приобщение Руси к христианской культуре дало начало развитию русской книжной традиции. Необходимым этапом этого развития явилось усвоение кирилло-мефодиевского наследия. Адаптация его на русской почве происходит в процессе переписывания, исправления, редактирования южнославянских списков первоначального перевода. Это означало вовлечение Руси в общеславянский процесс книжной sprawy [2, с. 58; 3, с. 106—107; 4, 5, 6], в ходе которой формировались новые редакции канонических текстов и заводы древнеславянского литературного языка [7, с. 43; 8, с. 49—50].

К тому времени, когда на Руси начинается создание собственной книжной традиции, южнославянская письменность уже пережила важный этап книжной sprawy, составивший ближайшую предысторию русской sprawy. Остановимся на некоторых существенных для нас моментах этого этапа.

В период с конца IX по конец X в. выявилось два различных подхода к пратексту кирилло-мефодиевских переводов, характеризовавших деятельность Охридской и Преславской школ книжности. О х р и д е к и книжники придерживались, по всей вероятности, неконвенционального подхода к первоначальным переводам. Архантность рукописей, предположительно связываемых с Охридской школой, позволила исследователям говорить о консервативности ее [9; 10, с. 61; 11, с. 39] и о том, что д преславских реформ «на замкнутых уровнях языковой структуры приспособления традиционных норм к местным условиям не происходило» [7, с. 38]. Для п р е с л а в с к и х книжников характерен конвенциональный подход к пратексту. Осуществленная ими реформа славянской алфавита и языка, а также ревизия текстов свидетельствуют о стремлении преобразовать наследие первоучителей в соответствии с местными культурно-языковыми условиями. Конфликт между книжниками двух направлений, между сторонниками и противниками повлечения первоначальных переводов, нашел отражение в сочинении черноризца Храбра «О писмена» (между 886 и 893 гг.), впоследствии чрезвычайно популярном на Руси. Оправдывая «построение» переводов Константина-Кирилла, автор апологически ссылается на историю текста Септуагинты, который неоднократно подвергался ревизии: «Аще ли кто речеть, яко нѣсть устроить (Кирилл.

Б. М.) добръ, да по нем ся построяет, и отвѣщаемъ имъ: и грѣны многащѣ суть построяни, Акилла и Симмахъ, но томъ и ни мнози» [12, с. 19].

Поскольку объект редакторской деятельности славянских книжников — переводы с греческого языка, постольку преславская реформа выдвигала проблему выбора типа переводческой техники. С позиций конвенционального подхода к тексту цель перевода состоит в передаче смысла оригинала понятными для адресата средствами его языка. Этот взгляд развивается в Прологе Иоанна экзарха к переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина (X в.). Согласно Иоанну, слова разных языков, обозначающие одно и то же понятие, могут не совпадать по своим грамматическим характеристикам. Истинность текста заключена в его смысле («разуме»), а не в форме слова («злаголе»). Поэтому при переводе неизбежны отклонения от буквального следования греческому оригиналу; «не бо есть льзѣ вьсѣде съмотрити слиньска гѣла, изъ разума нуждѣ блюстити» [12, с. 37—38]. Воспроизведение структур греческого оригинала, с точки зрения Иоанна, влечет за собою искажение смысла и неудобопонятность перевода («на велику исказу придетъ прѣложенье»). В теоретическом плане Иоанн продолжает переводческую традицию первоучителей, опираясь, вероятно, на концепцию Константина-Кирилла, изложенную в Македонском отрывке [13]. В то же время в своей переводческой практике Иоанн и книжники его круга культивируют ряд приемов буквального перевода и грецизации славянского языка книжности [14; 14, с. 133—134]. Таким образом, те же понятия истинности, правильности, которыми оперировал Константин-Кирилл, наполняются новым языковым содержанием, что связано с эллинизирующими тенденциями симеоновской эпохи в Болгарии (ср. другую точку зрения [15]; ср. также [16]).

Итак, к концу X в. в южнославянской книжности достаточно четко обозначились две проблемы: 1) исправлять или не исправлять первоначальные переводы первоучителей; 2) если исправлять, то в какой мере ориентироваться на структуры греческого оригинала. Вокруг этих проблем и складывается конфликт конвенционального и неконвенционального подходов к библейским и богослужебным текстам.

Восприятие этой коллизии на Руси осуществлялось в ходе книжной sprawy. Разнообразие редакций и списков, а также наличие правящихся рукописей канонических текстов делают очевидной активность редакторской деятельности русских писцов XI—XIV вв. Однако недостаточная степень изученности материала позволяет высказать лишь некоторые предварительные соображения о характере sprawy в этот период.

Переписывая и в той или иной мере перерабатывая текст протографа, писцы руководствуются сложившимися у них представлениями о правильности. Имеющаяся в рукописях правка отражает процесс усвоения южнославянских традиций, преодоление их и создание собственных книжных норм. В наибольшей степени это касается орфографии и морфологии, в лексике и синтаксисе вариативность значительно шире, а границы нормы более размыты [8, с. 50—51]; ср. [17]. Мотивами исправлений могли быть непонятность текста в той или иной его части, возможность двойного толкования вследствие омонимии грамматических форм, несоответствие отраженных в тексте норм тем правилам, которым обучен писец. Как показали исследования недавнего времени, замены в рукописях могут быть ориентированы на определенные правила орфографии и книжного произношения, на факты живого произношения писца, на употребление одного из антиграфов, на греческий оригинал [18, с. 74—77; 81; 19; 20, с. 166]. Степень строгости воспроизведения антиграфа и структур грече-

ского оригинала (при использовании его редактором) неодинакова для разных функциональных типов канонических текстов. Так, контролируемая текстологическая традиция устанавливается в этот период для служебного типа, в то время как четры и толковые тексты переписывались и переводились с большей свободой [21]. Например, в толковом переводе «Песни Песней» (XII в.) А. А. Алексеев выделяет два типа переводческой техники: «довольно буквально переведен библейский текст и вполне свободно переведены толкования» [20, с. 189, ср. с. 170—171].

Результатом конструктивной филологической работы русских книжников над инославянскими рукописями было формирование русской традиции канонических текстов и русского извода церковнославянского языка. Это позволяет говорить о том, что конвенциональный подход к тексту в период XI—XIV вв. является доминирующим. Если это так, то в словах диакона Григория в приписке к Остромирову Евангелию «молю же всѣхъ почитающихъ: не мѡзѣте кляти, нѣ исправльше почитайте» [22] можно увидеть реальное отношение к тексту, обобщенное в традиционной формуле, типичной для рукописей этого времени².

Процесс изводообразования естественным образом приводил к тому, что списки канонических текстов, выполненные в различных славянских землях, все более удалялись от пратекста по чтениям и языку. К XIV в. достигается тот предел «разброса», когда нарушается баланс между местной нормой и тем инвариантом церковнославянского языка, сохранение которого позволяло славянам воспринимать этот язык как разновидность своего родного языка. Возникает движение, противоположное по направленности движению изводообразования — унификация канонических текстов славян [24].

3. Книжная справа XIV—XV вв. На новом своем этапе русская книжная справа, как и прежде, тесно связана с южнославянской и составляет с нею, по сути, две ветви единого процесса [2, с. 103—106]. Попытки унификации канонических текстов осуществляются с конца XIII в. в общеславянских центрах книжности — монастырях Афона и Константинополя. Здесь создаются новые редакции библейских и богослужебных текстов, выполняются новые переводы; здесь русские книжники практически усваивают новые принципы справки и перевода; отсюда направлены списки начиная с XIV в. попадают на Русь [25, с. 97—100, 120—121, 191—194; 26, с. 150—157; 40, 85—96; 27, 28].

С точки зрения деятелей этого движения, книжная практика предшествующего периода, которая допускала отступление от буквы греческого оригинала при переводе канонических текстов на славянский язык и делала возможным проникновение в эти тексты локальных элементов, привела к порче текстов и языка славянской книжности. Излагая мотивы справочической деятельности своего наставника Евфимия патриарха Тырновского, Григорий Цамблак указывает: «Перви преводители — или за еже Еллинскаго языка же и учения не в конец ведети, или и своего языка дебелости служити — яке издавна книги не сложны в речех явинася и разумению греческих писанин не согласны, дебелством же связаны и негладкии к течению глагольному, и тъкмо от еже именоватися благочести-

² Ср., например, текст приписки к Изборнику 1073 г., где говорится о том, что князь повелед переписчику (переводчику?) «прѣмъну сътвориши рѣчи тако набѣдѣште тождество разумѣ» [3, с. 103]. Ср. также запись в Изборнике 1076 г.: «Иде же криво братие исправивше чѣтѣте блгсловите а не кльнѣте» [23].

вых книги верное имеху. Мног же вред в них крыяшеся истинным догматом сопротивление; темь же и многы ереси от сих произыдоша» [10, с. 96]. Идея очищения церковнославянского языка путем усовершенствования его по образцу греческой грамматики высказываются в этот период также пноком Исаией и Константином Костенечским [29, с. 357; 30].

Таким образом, оформление новых представлений о правильности происходит в отталкивании от принципов конвенционального подхода к тексту. Понятия чистоты и правильности связываются теперь с верностью греческому оригиналу и отказом от локальных элементов. В текстологическом отношении это выражается в ориентации на современные справщикам списки греческого текста Евангелия, Апостола, Псалтыри и других книг [31]. Язык переводов подвергается грецизации и архаизации [18, с. 203—226]. Принципы поэментного перевода обусловили, в частности, воспроизведение греческих моделей в синтаксисе (сохранение количества и порядка слов во фразе, глагольного управления, ряда причастных и инфинитивных оборотов), в лексике (рост числа калек и заимствований), в словообразовании (калькирование, композита) [32—35, 29; 14, с. 135—136]. Реставрационная установка и названные приметы переводческой техники свидетельствуют о том, что в книжной справе XIV—XV вв. актуализируется неконвенциональный подход к тексту.

В этот период редактируются тексты Евангелия (ГИМ, Сип. 742), всего Нового Завета (чудовский список 1355 г. и родственные ему — см. [14, с. 145, примеч. 59]), Устава (ГИМ, Усп. 5-п; ГБЛ, ф. 256, Рум. 445), списки которых попадают из Константинополя на Русь и здесь переписываются [28]. Новое направление книжной деятельности поддерживается митрополитом Киприаном, который трудится над исправлением Псалтыри (ГБЛ, ф. 173, Фунд. 142), Служебника (ГИМ, Сип. 601), переводит гимнографические тексты [36; 26, с. 153—157; 25, с. 82—93; 37, 38]. Резиденция Киприана в Троицком-Голенищеве под Москвой становится — наряду с монастырями Москвы, Твери, Повгорода — одним из центров, где принимаются, усваиваются, развиваются новые явления в книжном деле [39]. В юго-западнорусских землях при непосредственном участии митрополита Григория Памбляка книжная справа развивается в аналогичном направлении [25, с. 93—97]. В результате этой деятельности частично преодолевается разнообразие списков славянских библейских и богослужебных книг [40] и осуществляется реформа церковнославянского языка русского извода.

Актуализация неконвенционального подхода к тексту связана с тенденцией к восстановлению единства славянской письменной культуры, к созданию панславянского книжного языка. Новые представления о книжной правильности, усваиваемые на Руси в ходе «второго южнославянского влияния», вступали в противоречие с традиционными взглядами русских книжников. Дальнейшее развитие этой коллизии во многом обусловлено судьбой «второго южнославянского влияния» на Руси.

4. Книжная справа XVI в. Реставрационно-пуристические идеи книжной справы XIV—XV вв. стимулировали грамматическую рефлексию. Поскольку адаптация текста к местным нормам может восприниматься как порча его, настолько необходимой становится система правил, которая бы позволила унифицировать региональные нормы и контролировать стабильность текста. В этот период систематические своды правил — грамматика «Осьмь честии слова» середины XIV в. (см. издание в [12, с. 40—54]; о ней см. [41]) и трактат Константина Костенечского «Сказание изъясленно о писменех» 1420-х гг. (см. издание в [12, с. 95—199]; [42]) — со-

даются у южных славян. В XVI в. эти сочинения в различном объеме становятся известны на Руси в составе азбуковников [12, с. 266—275], под их непосредственным влиянием начинает складываться русская грамматическая традиция («Написание буквам...», «Книга глаголема букв-вы», «О той силе книжной... и о силах гласу», «Сила существу книжного писма» и другие тексты). Грамматические сочинения этого времени не дают полного описания книжного языка, они носят характер справочника, предупреждающего типичные ошибки, а также содержащего грамматические указания и отсылки к стандартным текстам [43]. Подобного рода систематизация употреблений предполагала, вообще говоря, конвенциональный подход к слову: значение языковой формы отвлекалось от контекста, и однородные контексты обобщались в грамматических категориях. Оформление грамматического кодекса как самостоятельного способа нормализации книжного языка придавало справе новое направление — грамматика постепенно становится ведущим фактором правки.

Для процессов, происходивших в книжной справе XVI в., чрезвычайно значима и показательна справочная деятельность Максима Грека, в которой он развивает ренессансные идеи филологической интерпретации канонических текстов. Греческий оригинал славянского перевода Библии и богослужебных книг Максим рассматривает как средоточие абсолютного смысла, который при переводе на другие языки может передаваться по-разному. Причину несправности русских рукописей Максим естественным образом видит в недостатке знания греческого языка у прежних переводчиков и писцов. Так, в «Слове отвещательном о исправлении книг русских» (около 1540 г.) Максим говорит, что он исправляет книги «в них же растлевахся, ово убо от преписующих, их ненаучених сущих и некусных в разуме и хитрости грамотицкихстей, ово же от самех сперва сотворивших книжный провод приснопамятных мужей. Речет бо ся истина, есть негде неполю разумевших силу еллинских речей и сего ради далече истины отпадоша ... еллинская бо беседа много неудобь разсуждаемо имать различие толка речений, и аще кто недоволю и совершенне научился будет яже грамотики, и пиштинки, и риторики, и самыя философии, не может прямо и совершенно ниже разумети писуемая, ниже предложить на ин язык» [44]. Целью исправления становится для Максима возможно более точная передача средствами славянского книжного языка смысла греческого оригинала. Это достигается, с одной стороны, выверением славянских текстов по греческим подлинникам, а с другой стороны — развитием грамматической ухищренности церковнославянского языка, который должен обладать широким репертуаром средств, достаточным для передачи смысловых оттенков греческого текста. В процитированном «Слове», как и в ряде других своих сочинений, Максим говорит о грамматическом искусстве («грамотике», «хитрости», τέχνη) как о пути к овладению устройством греческого языка и усовершенствованию церковнославянского языка. Итак, по мнению Максима, греческий оригинал служит мерой правильности славянского канонического текста, а грамматическая система греческого языка — образцом устройства для славянского книжного языка. Эта общая установка получает, однако, по крайней мере две реализации в справочной деятельности Максима, различия между которыми обусловлены как типом исправляемого текста, так и языковым опытом Максима.

После прибытия в Москву в 1518 г. Максим занимался исправлением и переводом целого ряда канонических книг: Толковой Псалтыри (ГИМ, Спб. 236), Апостольских Деяний с толкованиями, Цветной Триоды (ГИМ,

Щук. 329), Часослова, Евангелия, Апостола, Псалтыри. Как показали наблюдения Е. В. Кравец (устное сообщение) над языковыми исправлениями, внесенными Максимом, в частности, в текст Толковой Псалтыри, установка на сближение славянского и греческого языков выражается здесь в достаточно широком использовании грецизмов в синтаксисе, словообразовании, лексике, орфографии, отчасти в морфологии. Грецизированный вариант церковнославянского языка сопряжен с этих текстах с принципами пословного перевода. Таким образом, в своих взглядах на книжную правильность и пути овладения грамматическим искусством Максим в правде 1520-х гг. близок своим предшественникам, деятелям sprawy эпохи Кириана.

Иное понимание правильности нашло отражение в переводе Псалтыри, который был выполнен Максимом в 1552 г. по просьбе его ученика Нила Курлятева (ГИМ, Увар. 85). Замены, осуществляемые Максимом в сравнении с традиционным псалтырным текстом, свидетельствуют об отказе от элементов, воспринимаемых как заимствованные — грецизмов и южнославянизмов [45]. При этом в рубрику «чужого» могут попадать элементы южнославянского и греческого происхождения, не специфичные для церковнославянского языка периода «второго южнославянского влияния» [46]. Моделирующая роль греческого языка проявляется теперь не столько в калькировании и пословном переводе, сколько в расширенном использовании принципов построения греческой грамматики. Это проявилось, в частности, в утверждении *л*-формы во 2 л. ед. ч. аористной парадигмы славянского глагола: по аналогии с греческой соответствующей парадигмой разрыхалась, таким образом, омонимия 2 и 3 л. ед. ч. [18, с. 155—159]. Корректировка прежнего понимания правильности сопровождается у Максима переоценкой роли традиционного употребления в нормализации — использование элементов греческого и южнославянского происхождения повернется узусом стандартных текстов.

Данная концепция правильности формируется у Максима Грека в отталкивании от предшествующего этапа книжной sprawy и полемически направлена против сторонников и продолжателей идей митрополита Кириана. Это находит выражение, в частности в выборе источников при работе над переводом 1552 г. — Максим опирается в нем на древнейшую (докириановскую) редакцию Псалтыри, [38]. Предисловие к переводу было составлено Нилом, который, выражая взгляды своего наставника, определяет достоинство нового перевода на фоне кириановского текста Псалтыри: «А прежнии перевод'цы нашего языка извѣстно не знали, и онѣ перевели ино гречески, ово словенски и ино сербьски и другаа болгар'ски, их же не удоволилися предложити на рускии языкъ. А Кириан митрополит по гречески гораздо не разумѣлъ и нашего языка довольно не зналъ же... И онъ мнилъ ся что поправилъ псал'мов по нашему а болши неразуме в них написалъ в рѣчах и в' словех, все по сербьски написалъ... Сеп переводчик (Максим. — *Б. М.*) по златоустову писанию добръ вѣрен и приятен во всем и добръ вѣдалъ и довольно наш языкъ... зашь ж отнюд нѣтъ рѣчей по серб'ски или болгарски, но все по нашему языку прямо з' греческа(о) языка и без украшенна» [47, с. 96—98]. Итак, критериями правильности в предисловии являются точность в передаче смысла греческого оригинала, соблюдение норм русского языка книжности и понятность перевода. Значимость критерия понятности обусловлена задачами перевода 1552 г., который был предпринят Максимом для обучения Нила греческому языку и истолкования для него псалтырного текста. «Неразумие» кириановского перевода объясняется, с точки зрения Максима и его уче-

ника, не только плохим знанием греческого языка (неспособность ясно передать смысл оригинала есть следствие неверного понимания), но и плохим знанием русского церковнославянского (злоупотребление грецизмами и южнославянизмами есть проявление неспособности выбрать адекватные средства передачи смысла подлинника)³.

Таким образом, во взглядах Максима Грека осуществляется синтез двух концепций книжной правильности, противостоявших друг другу в предшествующий период справы. В своих представлениях о греческом языке как образчике для языка русской книжности, о возможно более близких к оригиналам переводах с греческого языка как пути усвоения его достоинств Максим продолжает линию неконвенционального подхода к тексту, развивавшуюся в книжной справе эпохи папславизма XIV—XV вв. Вместе с тем он обращается к русской традиционной книжности с ее принципами понятности сакрального текста и сложившимися правилами перевода.

Деятельность Максима по исправлению славянских канонических текстов вызывала противодействие со стороны московской духовной иерархии и определенного круга книжников. Митрополит Даниил и его сторонники, занимая охранительную позицию, полагают, что правильность библейских и богослужебных текстов обеспечивается русской рукописной традицией и традиционной экзегезой. Такой подход, очевидно, исключал справу по греческим оригиналам, поскольку истинными признавались первоначальные переводы с греческого, сохраняемые рукописной традицией. В своих показаниях по делу Максима Грека на Соборе 1530 г. об этом говорит писец Михаил Медоварцев, передавая свой разговор со сторонником Максима Вассианом Патрикеевым: «И Васьян старец мне рек: Мало ли деи наши что бредили и писали. И яз молил: Наши русские книги переведены з греческих же книг, а писаны они от святого духа святыми апостолы и святыми отцы. И Васьян старец рек: От диавола писаны, а не от святого духа... А до Максима есмь по тем нашим книгам бога хулили, а не славили, ни молили. А ныне есмь бога опознали Максимом и его учением» [48, с. 105]. Из слов Михаила видно, что он пытается противопоставить позицию Вассиана идею самостоятельной ценности русской рукописной традиции. Митрополит Даниил и его сторонники оценивают исправления Максима, исходя из употребления в стандартных церковнославянских текстах, и воспринимают грамматические замены как искажение смысла текста [49]. Консервативное отношение к традиционным чтениям неизбежно развивало стремление сохранить «букву» текста. Достаточно ярким свидетельством неконвенционального подхода могут служить слова Михаила Медоварцева о благочестивом ужасе, который ему пришлось испытать, вымарывая под руководством Максима часть сакрального текста: «И яз, господине.— говорит Михаил,— стал гладити, да загладил две строки, а вперед гладити посумнелся есмь. И яз рек Максиму: Не могу, господине, заглаживати, дрожь мя великая поимала и ужас на меня цапал. И Максим, взем книгу, да сам загладил все то и до конца» [48, с. 106]. Та-

³ Сходное отношение к деятельности последователей Киприана высказывает другой ученик Максима, внок Селиван в предисловии к максимову переводу Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея. Говоря о точности и понятности этого перевода, Селиван подчеркивает грамматические расхождения между славянским и греческим языками и предостерегает от буквального перевода: «Исть бо, исть льть по истини всячески премудрѣйшему оному послѣдовати языку, понеже обрядуете сопротивно; ни же бо роды, ни же времена, ни же скончания подобна ея имбють, но вся прменена. Сего ради разума паче всего искати подобаеть, егоже ничтоже частѣйше» [12, с. 342].

ким образом, деятельность Максима способствовала консолидации элементов консервативного отношения к тексту. Та рукописная традиция, которая сама некогда сложилась благодаря конструктивному освоению кирилло-мефодиевского наследия, теперь становится основанием консервативной оппозиции книжной справе.

Итак, справочная работа Максима создает конфликтную ситуацию, в которой можно видеть два уровня. На одном из них взгляды Максима на книжную правильность противостоят взглядам на нее последователей Киприана; другой уровень составляет конфликт Максима со сторонниками митрополита Даниила. Эти линии противостояний пересекаются. С одной стороны, Макс и его школа (Нил Курлятев, Звеницкий Опатенский, Селван) полемизируют с двумя проявлениями неконвенционального подхода к тексту — школой Киприана и сторонниками Даниила. С другой стороны, деятельность Максима, как и охранительная позиция Даниила, были разными проявлениями утверждающейся в Московской Руси тенденции к обособлению русской письменной традиции, осмыслявшей в отталкивании от предшествующих попыток реставрации славянского культурного единства.

Важным направлением книжной справы последней четверти XV—XVI в. является консолидация корпуса канонических текстов. Над собиранием, переводом, редактированием библейских книг трудятся Иван Черный [50], Франциск Скорина, митрополит Макарий [54], наконец, составители Острожского свода 1580—1581 гг. Наиболее значимым для истории церковно-славянской книжной нормы и вместе с тем наиболее хорошо изученным представляется взгляд на проблемы правильности редакторов Острожской Библии.

То понимание книжной правильности, которое ложится в основу критико-филологического метода острожцев, в ряде моментов сходно со взглядами Максима Грека — авторитет его очень высок для составителей Острожской Библии; в определенном смысле издание ее явилось осуществлением идей Максима об исправлении книжного, идей, потерпевших фиаско в Московской Руси⁴. Призванная быть опорой в религиозной полемике, «камнем веры», Острожская Библия должна была, по замыслу ее составителей, представлять выверенный по многочисленным источникам древнейший перевод Библии на славянский язык. Отсюда главная задача издателей: выбрать основной список славянского текста и основной источник, по которому этот список будет выверяться. В предисловии к Библии основным славянским текстом называется московский список (с Геннадиевского свода 1499 г.), а основой сверки — Септуагинта.

В предисловии князя Константина славянский перевод Библии, как кажется, впервые связывается с эпохой князя Владимира Святого⁵. Зде́сь говорится, что острожцы получили из Москвы «свършеную вивлюю з' греческого языка, семьдесять и двѣма преводники множае пяти сотъ лѣтъ на словенский преведеную еще за великаго Владимира, крестивнаго землю рускую». Утверждая равенство в достоинстве греческого и славянского текстов Библии, Константин проводит прямую параллель между «кни-

⁴ По предположению Х. Олмстеда и М. Таубе, перевод Максима из книги Эсфирь был использован при подготовке Острожского издания [55, 56].

⁵ Впрочем, в некоторых русских памятниках фигура Владимира связывается с деятельностью первоучителей, например, в Палее XV в., где приводится рассказ о крещении Владимира Константином-Кириллом ([57]; ср. [12, с. 20—21]).

горачителем» Птоломеем Филадельфом и просветителем Руси князем Владимиром, между переводчиками Септуагинты и переводчиками Библии на славянский язык⁶. Таким образом, начало русской письменной традиции возводится ко времени Владимира Святого, а прямой продолжительницей и хранительницей этой традиции объявляется московская книжность, что обусловлено ориентацией острожского издания на культурно-религиозный авторитет Москвы и в то же время на идеальное единство в прошлом русской культуры. Впоследствии мифологизированная версия истории славянского перевода Библии переходит в предисловия к московскому изданию Библии 1663 г. и к Елизаветинской Библии 1751 г.

По мнению издателей Острожского свода, реставрация пратекста достигается путем сверки славянского текста с греческим текстом Септуагинты, которая признается наиболее правильным из греческих переводов Священного Писания, ближайшим по тексту как к еврейскому оригиналу, так и к славянскому переводу Библии. В предисловии об этом говорится следующее: «Звод древняго писания славнаго, и глубочайшаго языка и писма еллинскаго от ОВ блженныхъ и бгомудрыхъ преводниковъ на умоление желаемое книгорачителя П'толомея Филадельфа цря егупетска, от языка еврнска во еллинский преведеную избрахъ, она же паче ниѣх множае со еврнскою и словенскою съглашашеся, и сего (извода. — *В. М.*) въ всемъ неизмѣн'но, и несуменно послѣдовати повелѣхъ» [58].

Анализ филологических приемов острожцев, проведенный А. А. Алексеевым, показал, что в основу Библии 1580—1581 гг. был положен список с Геннадиевского свода 1499 г. Основная часть библейского корпуса была более или менее последовательно, с большей или меньшей глубиной переработана по греческому тексту Септуагинты в издании 1518 г. (или в одной из позднейших его перепечаток). В круг источников Острожской Библии входили также латинская Вульгата, чешская Библия Мелантриха, «Библия руска» Ф. Скоринны, а также ряд дополнительных славянских источников [59, с. VIII, 3—164; 60, 61; 62, с. 15—18].

Основное содержание лингвистической работы справщиков составляет устранение латинизмов, форм, воспринимавшихся как лексические, и замена их на южнославянизмы и грецизмы [62, с. 18—19; 63, 64]. При этом широкое использование южнославянизмов может быть в равной степени отнесено на счет южнославянских по происхождению источников и на счет сознательной реставрации языковых черт древнейшего перевода. Хотя наблюдения над орфографией и лексикой Острожской Библии требуют проверки и уточнения данными грамматического уровня, можно составить достаточно ясное представление о взглядах издателей на книжную правильность. Итак, в текстологическом отношении правильность связывается с верностью греческому тексту, в языковом плане — с расширенным использованием южнославянизмов и грецизмов, но в то же время с заботой о ясности текста. Синтез неконвенционального и конвенционального подходов к тексту осуществляется острожцами на основе норм, усвоенных в ходе справы XIV—XV вв. и оказавшихся для юго-западнорусской книжности более органичными, чем для московской.

5. Книжная справа первой половины XVII в. С развитием в Московской Руси книгопечатания (анонимная типография появляется в Москве

⁶ Как ранее в аналогии Храбра, так и впоследствии в предисловии к Евангелию 1673—1674 гг. (см. об этом ниже) актуализация этой модели имеет место всякий раз, когда выдвигается вопрос о сравнительном достоинстве греческого и славянского переводов Библии.

с 1563 г.) значение книжной справки возрастает, при типографиях создаются особые штаты справщиков. В своей редакторской деятельности они руководствуются тем пониманием правильности, которое ориентировано на славянскую рукописную традицию и не предполагает сверки с греческими оригиналами. По завершении процессов над Максимом Греком это традиционное понимание книжной правильности было закреплено Собором 1551 г., вмнявшим собраниям духовенства по городам слежение за исправностью церковных книг по «добрым» спискам: «А которыя будутъ святыя книги в коейждо суть церкви обряцете не правлены и описливы и вы бытъ книги съ добрыхъ переводовъ исправливали соборѣ» [65].

Вместе с тем в справе этого периода находит продолжение традиция филологической критики канонических текстов, связанная с Максимом Греком и поддерживаемая прежде всего в Троицы Сергиевом монастыре, где он провел последний период жизни. В рамках этой традиции в 1616—1618 гг. было предпринято исправление Трехника издания 1602 г.

Конфликт между справщиками (архимандрит Троицы Сергиева монастыря Дионисий Зобнинский, Арсений Глухой, Антоний Крылов, Иван Наседка, старец Закхей) и их оппонентами (старцы Филарет и Логгин, священник Филипп, диакон Маркелл, архимандрит Чудова монастыря Авраамий, канонарх Спаса Нового монастыря Дорофей и другие), вылившийся в открытую полемику на Соборе 1618 г., основан на расхождении в текстологических принципах справки и в отношении к грамматике. В своей текстологической работе Дионисий и его сотрудники, как и типографские справщики, опираются на рукописную традицию и не обращаются непосредственно к греческим оригиналам; правильность текста, по их мнению, обеспечивается «старыми» переводами с греческого. Существенно, однако, что в группе из двух десятков славянских рукописей, несользованных при исправлении, наиболее авторитетными для справщиков были тексты Кириана и Максима (список 1481 г. с Кириановского Служебника 1395 г. и каноник в редакции Максима Грека [66, с. 210]).

Главным в полемике справщиков и их оппонентов становится вопрос о грамматике. Взгляды справщиков на книжную правильность основаны на учении о грамматике как инструменте познания абсолютной истины через сакральный текст. Именно поэтому нескрупулезность в грамматическом искусстве может выдвигаться справщиками в качестве обвинения их оппонентам. «Бог свидетель,— пишет в своей соборной речи Арсений Глухой,— несть в нас ни в коем ереси никакия... Облагоуощен нас неправедным словом ино и единого речения грамматическаго учения не знают.— ни времени, лиц, ни родов, ни числа, а мнште разумен быти и мыслен и разсудлив» [66, с. 432]. Грамматический анализ текста, связанный с систематизацией однородных употреблений, сопряжен с конвенциональным подходом к слову. Оправдывая исправление слова *тля* на слово *тление*, Арсений указывает на то, что они являются синонимами и что замена необходима для прояснения контекста, поскольку *тля* в значении «тление» омонимично слову *тля*, обозначающему насекомое: «В наших же переводах русских сия имена ТЛЯ и ТЛЕНИЕ едино знаменуют, не глаголом точно чтущему или поющему подобает внимати, но разума нужда блости» [66, с. 432]. Примечательно в этой цитате не только то, что Арсений опирается на определенную переводческую традицию, но и использование им аллюзии к тексту Пролога Иоанна экзарха (ср. «не бо есть лъзѣ въсѣде съмотрити елиньска гла, нъ разума нужда блости» [12, с. 37—38]), что подчеркивает преемственность идей грамматического учения по отношению к раннеславянской филологической традиции⁷. Итак, целью книжной

справы признается смысловая точность текста, которая достигается грамматическим анализом слов и форм.

Оппоненты Дионисия и его сотрудников отказывались признать не замены в тексте как таковые — согласно практике контролируемой текстологической традиции, единичные исправления в одном данном контексте в принципе допускались, — они не хотели признать какую бы то ни было систематизацию исправлений, обобщение их для аналогичных контекстов. Грамматический анализ текста воспринимается ими как суеумудрие, привнесение ограниченного человеческого знания в богодухновенный текст и тем самым как порча этого текста (о восприятии грамматики как «внешней мудрости» в русской книжности XVI—XVII вв. см. [67]). На Соборе 1618 г. исправители обвиняются в ереси, однако получают поддержку нового патриарха Филарета; созданный им в 1620 г. Собор завершается оправданием и прославлением ранее осужденных справщиков.

Вплоть до середины XVII в. взгляды Дионисия и его сотрудников становятся определяющими для книжной справки, значение которой возрастает с активизацией книгоиздательской деятельности в 1630—1640-х гг. На Печатном дворе в Москве складывается значительная группа книжников (Иван Паседа, Михаил Рогов, Мартемьян Шестак, архимандрит Сильвестр, протопоп Иоаким, Захарий Афанасьев, Захарий Новиков), рассматривающих книжную справку как часть движения за обновление православного благочестия и близких по своим взглядам кружку боголюбцев. К этому времени расхождения между юго-западнорусской и московской традициями справки, между юго-западнорусским и московским вариантами церковнославянского языка, обозначившиеся уже в XVI в., становятся отчетливо выраженными.

Вопросом принципиальной важности, определяющим различия в понимании книжной правильности, становится в этот период отношение к новым европейским изданиям греческих текстов библейских и богослужебных книг. Считая, что после захвата Константинополя турками благочестие греков повредилось, московские книжники ориентировались на «древние», «правые» переводы с греческого, т. е. на славянскую рукописную традицию. В Юго-Западной Руси, напротив, за основу исправления принимались греческие тексты по новым европейским (преимущественно венецианским) изданиям, тогда как славянская рукописная традиция практически игнорировалась. Так, в предисловии к Служебнику, изданному в Киеве в 1629 г., архимандрит Тарасий Земка заявлял: «Книга сия Служебник от Еллинскаго зводу истиннаго, егоже Вьсточная наша Церков Госпоже и Учителница Цервейшая употребляет, исправлен есть... Аще бо не от того Диалекту, имже от Святых Отец Святая Литургия написана, предадеся, исправляти будем, то нечем откуду, понеже вся Книги Славенския от колико сот лет пренесяются невежами, токмо чернилом мажущими, ума же не имущими, языка не умеющими, и силы словес не ведущими» [68]. Различия во взглядах на славянскую рукописную традицию между московскими и юго-западнорусскими книжниками выявились, в частности, во время прений московских справщиков с Лаврентием Зизанием в 1627 г., когда они указывали: «Книриаци, митрополит киевский и всеа Руси...привез правилиные книги христианского закона греческого язы-

⁷ Следует в этой связи отметить, что филологические сочинения Максима Грека по проблемам перевода и исправления канонических текстов включаются в XVI—XVII вв. в азбуковники и воспринимаются в одном ряду с текстами апологии Храбра и Пролога Иоанна [47. с. 16—25].

ка правила и перевел на словенский язык и Божиею милостию пребывают и доныне без всяких смутов и прикладов новых вводов; да многия книги греческаго языка есть у нас старых переводов, а ныне к нам которые книги входят печатные греческаго ж языка и будет сойдутца с старыми переводами и мы их приемлем и любим; а будет что в них приложено ново и мы тех не приемлем, хотя они и греческим языком тиснуты, потому что Греки живут ныне в великих теснотах в неверных странах и печатати им по своему обычаю невозможно» [69].

Различными оказываются и принципы грамматической нормализации текста. Если московские книжники ориентируются на традиционное употребление своих источников и на грамматику «О осми частех слова»⁸, то юго-западнорусские справщики — на языковые модели греческих оригиналов и на грамматику Мелетия Смотрицкого. Взаимодействие двух этих традиций происходит в ходе книжной sprawy 2-й пол. XVII в. на фоне конфликтов между никонианами и старообрядцами, между «латинумудрами» и «грекофилами».

6. Книжная справа второй половины XVII в. Новый этап книжной sprawy связан с возрастанием теократических тенденций в Московской Руси, с грекофильской ориентацией патриарха Никона (1652—1658), с отказом от взгляда на отечественную старину как на основу православного благочестия. Ведущее положение в справе этого времени занимают выходцы из Юго-Западной Руси (Арсений Сатановский, Елифанний Славинецкий), реализующие в своей справщической и учительской деятельности те принципы книжной правильности, которые сложились в юго-западнорусской книжности. На Соборе 1654 г. принимается решение «впредь быти исправлению в печатном тиснении Божественным книгам против древних харатейных и греческих книг уставов, потреббников, служеббников же и часословов» [71]. Это означало, что основными источниками sprawy объявлялись славянская рукописная традиция и греческие оригиналы канонических текстов. На деле, однако, в целом ряде случаев исправление производится не непосредственно по греческим текстам, а по юго-западнорусским изданиям [72].

Начало никоновской sprawy вызывает столкновение различных взглядов на книжную правильность и знаменует собою новое обострение коллизии конвенционального и неконвенционального подходов к тексту. Однозначное соотнесение этих подходов с позициями, соответственно, никониан и старообрядцев [73], думается, упрощает ситуацию и не учитывает реальную неоднородность филологических взглядов внутри каждой из двух идеологических группировок. Обобщая эти взгляды, можно говорить по крайней мере о двух уровнях конфликта: первый уровень составляет оппозиция «справщики — противники исправлений» (никониане — старообрядцы), на втором уровне выявляется оппозиция «конвенциональный — неконвенциональный подход к тексту» внутри каждой из сторон первого уровня. В группе справщиков друг другу противостоят Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, с одной стороны, и Елифанний Славинецкий, Евфимий

⁸ Смелка на эти источники содержится, например, в послесловии к изданию исправленного Пролога: «И о семь же васъ не немолчимъ, яко да не позазритъ ваша купно общаго совѣта совѣсть, егда убо узрите в' писменѣхъ, яко бы рещи за недовыченне странность, или в' просодии, и воз'мнѣте вы яко ново сие и необычно; ей ей, пеново и, пенами убо сѣя в' писашася. но ово убо от древнихъ в'дущихъ добронисцовъ нашего великия русни; овоже от граматическаго любомудрия, спрѣчь от осмочыстнаго разумѣния и правления, в' родѣхъ, в' числѣхъ в' надежехъ, во времяхъ, влщѣхъ, в' наклоненияхъ» [70].

Чудовский — с другой стороны. Среди старообрядческих деятелей одна часть тяготеет к конвенциональному взгляду на сакральный текст (Федор Иванов, Авраамий), другая часть отстаивает неконвенциональный подход (Аввакум, Спиридон Потемкин).

Как и в предшествующий период, мотивировка вносимых в тексты исправлений строится с п р а в щ и к а м и как апология грамматического учения. Осведомленность в грамматических науках признается необходимым условием книжной деятельности. «Неученымъ же людемъ, — пишет в „Увете духовном“ Афанасий Холмогорский, — грамматическому художеству, философии же и бгословии, не токмо возможно добрѣ преводити иный языкъ, но глати, и преписывати книгѣ, ни мало учая не возможно есть. в' прежняи времена рѣдко такія люди въ российской державѣ обрѣталися, которые точию по книзѣ глаголати мало можеть, а не писати книги, ради неучения грамматическихъ наукъ. И тако книги стья, самыя нуждѣйшия тогда писаша како кто могъ, не зная правописания силы» [74, л. 260 об—261]. Сходные мысли высказывает Евфимий Чудовский в трактате «О исправлении в преждепечатанных книгах Минеах»: «Книгописатели же русии или и преводници неции бывше не велми известни грамматице славенстей⁹ (не бе бо древле изьясена на славенском языке яко ныне), и о степенях или небрегоша, или недоразумеша, писаша ово правилно, аще и не веде, ово же и неправилно» [75, с. 93]. В соответствии с этим аргументация исправлений строится на грамматическом разборе славянского текста в соотношении с греческим оригиналом (см., например [76]). В полемических сочинениях справщиков передки и прямые ссылки на правила грамматики М. Смотрицкого [77]. С этих позиций справщики обвиняют старообрядцев в невежестве. Одним из примеров может служить высказывание патриарха Иоакима во время прений со старообрядцами в Грановитой палате в 1682 г.: «А вера у нас православная старого православия, греческаго закона, в ней же святини Отцы Богу угодили; исправлена с греческих и с наших харатейных книг грамматике, и мы от себе ничего не внесохом в Церковь Божию по все от тых писаний. Вы же грамматическаго разума не коснулися и не знаете, какову силу в себе содержит» [78]. Итак, ориентация на новые греческие тексты, на юго-западнорусские издания и на правила грамматики М. Смотрицкого определяет общность справщиков в понимании книжной правильности. Вместе с тем во взглядах на перевод и на норму церковнославянского языка обнаруживаются расхождения между Симеоном Полоцким и Сильвестром Медведевым, с одной стороны, и Е. Славинецким и Евфимием — с другой.

Симеон Полоцкий в своем понимании правильности исходит из конвенционального взгляда на текст. Смысл филологической экзегезы, по его мнению, заключается в поисках правильной интерпретации текста. В «Жезле правления» Полоцкий сформулировал свое понимание правильного перевода: «Сказатель же или преводитель странного языка сей есть верный, иже и разум и реченье преводит неложно, ничесоже оставляя» [79]. Поскольку число возможных интерпретаций бесконечно, предшествующие переводы канонических книг, в том числе кирилло-мефодиевские, приобретают релятивную ценность. Афанасий Холмогорский, подчеркивая ине-

⁹ Следуя средневековой традиции словоупотребления, справщики могут использовать слово *грамматика* в двух значениях: чаще — в значении «грамматическое искусство» как реализация определенных правил в текстах; реже (как в данной цитате) — в методическом значении «свод правил» (Евфимий имеет в виду грамматику М. Смотрицкого).

тетное отношение к текстам первоначальных переводов, указывает, как и Симеон, на необходимость новых, более исправных переводов: «И тѣ стѣя книги, яко первое дѣло велико похвалное, аще и описанное, и прописанное что, никтоже укоряеть. яко сему быти погрѣшенію в' нихъ недивно есть. но въ величѣй чести суть всюду содержатся тѣ книги старыя, ради преводовъ и вѣдѣнія как древле бѣша. И учащися инаго языка, яко свойственнаго намъ греческаго, могутъ с' того языка, и с' ихъ книгъ яко на извѣстнѣй образъ смотря знати: и преводя не грѣшити, но исправити лучше. Ибо егда болши людей разумныхъ, болши единого смысла» [74, л. 262—262об]. Итак, чем больше переводов одного и того же текста, тем полнее открывается его смысл (ср. [73, с. 28; 18, с. 285—288]).

Верность перевода понимается Полоцким и его последователями как адекватная передача смысла оригинала понятными для читателя средствами славянского языка. Выбор языковых средств при переводе и при создании оригинального текста в принципе одинаков. Переводчик, по мнению Симеона, должен следовать прежде всего грамматике М. Смотрицкого. Как свидетельствует языковая практика Симеона, он считал, что точность и понятность при переводе достигаются при ориентации на нейтрально книжные варианты церковнославянской грамматики (не грецизированные), осознаваемые как исконные и составляющие основу активного употребления в книжных текстах.

Конвенциональный подход к тексту и переводу нашел воплощение, в частности, в исправленном в 1678—1679 гг. Апостоле (ковычный экземпляр: ЦГАДА, БМСТ, № 14; экземпляры издания 1679 г. не сохранились); под руководством Сильвестра Медведева справщики Иосиф Белый, Никифор и Евфимий сверили апостольский текст со славянскими рукописями, с юго-западнорусскими и московскими изданиями и с греческим текстом 80).

Евфимий Славинецкий и его последователи в своих взглядах на перевод исходят из неконвенционального отношения к тексту. Точная передача смысла оригинала, по их мнению, обеспечивается ползementным переводом, максимально сохраняющим структуру греческого текста. Говоря о выполненном Евфимием переводе прмеса на Рождество, Евфимий Чудовский указывает: «Подобает истинно преводити иныя церковныя от слова до слова, ничто разума и речений многотрудно умышленныхъ святыми отци премеияя... подражая в том древнихъ искусныхъ преводниковъ хранящихъ истинно разум, и речения непремеияющихъ» [81]. Используя одни и те же понятия («разум» и «речение», ср. у Иоанна эзарха «разум» и «глагол»), Симеон и Евфимий по-разному понимают связь между ними. Для Симеона процесс перевода состоит в отчуждении смысла («разума») от одной его языковой оболочки («речения») и замене ее на другую. Для Евфимия перевод — это замена определенных элементов греческого текста на их славянские эквиваленты, необходимая для того, чтобы данный текст считался церковнославянским. Не удобопонятность составляет, по Евфимию, цель переводческого мастерства, но сохранение мистической связи смысла и его языкового выражения. В упоминавшемся уже трактате «О исправлении...» Евфимий говорит об этом следующее: «Писания стѣя, и словеса, и пѣсни стѣхъ отцевъ тако подобаетъ преписывати, пачеже преводити от языка на языкъ, яко писаша сами стѣни отци древнии еллинскимъ диалектомъ, да бы стѣни сѣя словеса предавшии, своя искренняя разумѣюще, купно с' нами молилися: или изряднѣе, да бы дѣхъ стѣй тако главѣй во стѣхъ смотря словеса своя, нашему дѣлїню с'поспѣшествовалъ... Аще же

о словесѣхъ ихъ вознебрежемъ и не соблюдемъ, негодование нанесемъ на себе, и помощи и молитвы ихъ лишимся» [75, с. 61]. Итак, перевод сакрального текста призван установить (сохранить) связь между человеком и Богом; необходимым и достаточным условием этого является «понятность» перевода для Бога (а не для человека), т. е. «узнавание» им текста оригинала в тексте перевода.

С точки зрения книжников этого направления, операции извлечения смысла из текста оригинала и его перекодировки превращают божественную истину в человеческое измышление («мудрование», «человеческие силлогизмы»). С этим связаны, в частности, отрицательные отношении Евфимия к стихотворному переложению псалмов. В обличении на «Псалтырь рифмотворную» Симеона Полоцкого (1680) Евфимий предостерегает: «Да никто псалмы мирскими красоглаголания словесы уещяет, ниже покусится речения переменяти...но просто, яко написана суть, да чет и поет» [82].

Требование воспроизведения греческого оригинала «от слова до слова» обуславливает широкое применение при переводе греческих языковых моделей ([18, с. 301—316]; ср. [83]) и опирается на представление о фундаментальном тождестве греческого и церковнославянского языков. Если Симеон Полоцкий и его единомышленники признают приоритет грамматических правил, то для книжников круга Е. Славинецкого арбитром языковой правильности при переводе является греческий оригинал. Определяющая роль грамматики М. Смотрицкого при таком подходе к переводу распространяется на область морфологии и орфографии как наименее пронцаемые уровни языка, в то время как в синтаксисе грамматика может лишь поддерживать употребление грецизмов (в тех случаях, когда у М. Смотрицкого даются два варианта конструкции — грецизированный и нейтрально книжный). Таким образом, в полемике между двумя направлениями справщиков о языке переводных канонических текстов речь идет о выборе одного из вариантов церковнославянского языка — более книжного грецизированного или менее книжного нейтрального, использование каждого из которых могло поддерживаться (по крайней мере в синтаксисе) грамматикой М. Смотрицкого.

Наиболее ярко филологические взгляды Е. Славинецкого и книжников его круга проявились при исправлении Библии, предпринятом в 1673—1674 гг. и прерванном смертью организаторов этого предприятия — Епифания и местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сарского и Подонского Павла. Под руководством Епифания работали Евфимий, Моисей — иеродиакон Чудова монастыря, Никифор Семенов, а также бывший игумен Щигвильской Молчанской обители Сергей, которые начали «проводити всю Библию вновь, Ветхий и Новый Завет» [84]. В сохранившемся переводе Нового Завета (ГБЛ, ф. 310, № 1291) Епифаний опирается на европейские издания Септуагинты, на чтения Чудовского Нового Завета и Евангелия 1383 г. [85, 86]. Выбор славянских источников связан с тем, что сотрудники Славинецкого видели в создателях этих рукописей своих предшественников. А идеологическим обоснованием предпринятому исправлению служит вновь воскрешаемая параллель с 70-ю толковниками и Птоломеем Филадельфом [84].

Для старобрядце в характерно разнообразие индивидуальных филологических взглядов, оформляющихся, главным образом, под воздействием конкретных задач ведения полемики со справщиками. Можно выделить, однако, две основных позиции старообрядческих деятелей — «умеренную», тяготеющую к конвенциональному взгляду на текст, и «ра-

дикальную», основанную на неконвенциональном подходе к тексту.

«Умеренные» (Федор Иванов, Александр Вятский, Никита Пустосвят, Авраамий) признают книжную справку как таковую, но отвергают принципы никоновской справки — ориентацию на новопечатные греческие книги и грамматику М. Смотрицкого. В полемике со справщиками старообрядцы этого направления могут использовать филологическую методiku своих оппонентов. Так, например, обличение на справку, составленное Александром Вятским для оглашения на Соборе 1666 г., строилось на сопоставлении исправленного Служебника 1655 г. с дониконовскими московскими, а также юго-западнорусскими Служебниками и с венецианскими изданиями греческого текста. Видя причину порчи книг во влиянии новых греческих текстов, Александр считает необходимым «соборне» исправить канонические книги по славянским и греческим рукописям [87, с. 284—286]. Текстологической работой занимается и Федор Иванов, который отказывается признать лишь догматически значимые замены в текстах, в то время как с остальными готов примириться. «За опись бо кую, — пишет он в своей челобитной, — в книге какой ни есть и погрешенное слово не подобает нам ни спиратися, ни стояти; а за превращение книг старых и догматов правых изменение подобает всякому христианину и страдати и умирати» [88, т. 6, с. 127].

Конфликт справщиков-никонов и «умеренных» старообрядцев в целом основан на противоречиях между юго-западнорусской и московской концепциями книжной правильности. Вопрос о роли грамматики в книжной справе выливается при этом в конфликт той грамматической традиции, характерным представителем которой является азбуковник, с новой грамматической традицией, открываемой грамматикой М. Смотрицкого. С точки зрения старообрядцев, грамматика Смотрицкого «мелка» и «несовершена» [88, т. 4, с. 42; т. 6, с. 109; т. 7, с. 259—331; т. 8, с. 115 и др.], так как она не учитывает всех контекстов, являясь по преимуществу прескриптивной. Старообрядцев могла бы удовлетворить либо преимущественно дескриптивная грамматика (она появилась только во 2-й пол. XVIII в. с консервацией церковнославянского языка), либо прескриптивный минимум, заключающийся в себе грамматический инвариант стандартных текстов. Именно грамматику второго типа — «О осми частех слова», известную по азбуковникам, старообрядцы противопоставляют грамматике М. Смотрицкого. Так, на «осмочасное слово» ссылается в своей челобитной Авраамий: «А что отступник Никон со Арсением (Греком. — Б. М.) еретиком напечатали и приложили литеру ко... Иисус, то стало два состава. И сие по грамматическому разуму союз; а по осмочасному Иоанна Екзарха слову, то различие именуется, и стало два имени, а не едино» [88, т. 7, с. 271].

Другое направление составляют радикально настроенные старообрядческие деятели (Аввакум, Спиридон Потемкин), не приемлющие книжную справку как таковой. В конце 1650-х гг. старец Спиридон Потемкин в «Словах на еретики» выдвигает концепцию незыблемости сакрального текста и обряда, которые возводятся в догматическое достоинство [87, с. 262, 340]. Согласно этой концепции, какое бы то ни было исправление в делах церкви невозможно, так как она «не может посползнутися ни в малейшем от догмат святых... ни в едином слове, ни во псалмах, ни во ирмосах, ни во обычаех и правех писанных и держимых, — вся бо церковная свята суть» [89]. Деятели этого направления жестко отвергают не только новопечатные греческие тексты, но и занятия грамматикой и грамматическими науками. Высказывания старообрядцев против «внешней мудрости» сближают их с книжниками Епифаньева круга, которые обвиняли в ней «лати-

номудров». Так, в компилятивном «Писанейце», составленном в ответ на вопрос Ф. М. Ртищева «Достоит учиться риторике, диалектике и философии?», Аввакум указывает: «Преподобный же Ефрем Сирий рече: И кроме философии и риторики, и кроме грамматики мощно есть верну сущу претрети всех противящихся истинне. И по сему слову веры потреба ко спасению и ко прению противящихся, а не литорики и грамматики, и христианских добродетелей от чиста сердца, а не философскаго кичения» (190); ср. трактат Евфимия Чудовского «Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии и феологии, и стихотворному художеству, и оттуду познавати божественная писания или не учася сим хитростем, в простоте Богу угождати, и от чтения разум святых писаний познавати», издание см. в [91]). «Радикализм» Аввакума проявляется также в его отношении к предшествующей традиции книжности и справы. Если Федор Иванов и Александр Вятский оценивают дониконовские издания с тех же критико-филологических позиций, что и исправленные при Никоне книги, то Аввакум а priori утверждает правильность дониконовских книг. «А и держу православие бывшее и прежде Никона патриарха и книги держу писменныя и печатныя... с сими книгами живу и умираю», — утверждает он в письме 1667 г. (192); ср. также [88, т. 5, с. 220]).

Таким образом, с активизацией в середине XVII в. контактов между юго-западнорусской и московской книжными традициями возникает сложный двухуровневый конфликт вокруг вопроса о книжной правильности. Если в лагере справщиков полемика между «латинумудрами» и «грекофилами», достигшая своего апогея в конце 1670-х—1680-е гг., является продолжением двух направлений образованности в Юго-Западной Руси, то расхождения между «умеренными» и «радикальными» старообрядцами являются продолжением конфликта в московской книжной справе 1-й пол. XVII в. Разрешение этого конфликта в одноуровневый шло несколькими путями. В старообрядческой среде господствующей становится позиция «радикалов». Неустойчивость «умеренных» проявлялась в том, что часть их (как Александр Вятский) отходила в лагерь никониан, в то время как другая объединялась с последователями Аввакума и Спиридона Потемкина. Специфическое развитие взгляды «умеренных», а вместе с тем и традиция московской книжности дониконовского времени находят в деятельности книжников круга братьев Андрея и Семена Деисовых в XVIII в.

Конфликт внутри лагеря исправителей постепенно снимается путем синтеза противоборствующих точек зрения. В конце XVII в. формируется круг книжников (Карпю Истомин, Иов Повгородский, Дмитрий Ростовский, Софроний и Иоакиим Лихуды), которые пытаются достигнуть непротиворечивого единства конвенционального и неконвенционального подходов к каноническим текстам¹⁰.

¹⁰ Предпосылкой подобного рода синтеза могла быть практика сотрудничества справщиков и переводчиков двух направлений на Московском печатном дворе. Одним из немногих свидетелей, позволяющих судить как о самом процессе исправления, так и о распределении обязанностей справщиков, является трактат Евфимия «О исправлении...». Здесь, в частности, говорится, что правка велась в два этапа: сначала одна группа книжников сверяла мшнейшие тексты с греческим оригиналом, отмечая исправления «между строк» или на полях прежнего славянского текста; вслед за тем другая группа справщиков отбирала выписанные по греческому тексту исправления, как текстологического, так и языкового характера [75, с. 79—80]. Есть все основания думать, что сверка с греческим текстом входила в обязанности книжников неконвенционального направления, а редактирование их пословных переводов — в обязанности

7. Книжная справа первой половины XVIII в. В XVIII в. исправление богослужебных книг уже не предпринимается из опасений перед активизацией старообрядческой оппозиции. Однако в продолжение направления никоновской и поакимовской справки в 1713—1751 гг. осуществляется редактирование четьего текста славянской Библии по московскому изданию 1663 г. «во главах и стихах и речах противу греческия библии грамматическим чином» [93, стлб. 28]. Работа библейской комиссии прошла несколько этапов и завершилась изданием Елизаветинской Библии 1751 г. [94—96] и указанные здесь источники]. В ходе исправления выявилось три основных концепции правильности: 1) концепция петровских «библиотрудников» (1713—1720 гг.), 2) концепция Кирилла Флоринского и Фаддея Какояловича (1741—1742 гг.), 3) концепция редакторов издания 1751 г. Варлаама Лашевского и Гедеона Слоимского¹¹.

Петровские справщики Софроний Лихуд, Феофилакт Лопатинский, Федор Поликарпов, Николай Головин и другие в своей работе над Библией (правленная рукопись ГИМ, Спб. 22) руководствуются теми представлениями о книжной полемике «грекофилов» и «латинумудров», как синтез конвенционального и неконвенционального подходов к тексту.

Текстологическая работа справщиков 1710-х гг. основана на методе конъектурной слички текста и состоит в определении ближайших его источников текста славянского перевода Библии и редактировании его по этим источникам [59, с. 176], а именно, не только по греческому тексту Сентуагинты (как предполагалось процитированным указом Петра I от 14.XI.1712 г.), но и по латинской Вульгате и еврейскому тексту (по поллоттам 1514—1517 и 1657 гг.).

В нормировании книжного языка при редактировании Библии петровские справщики стремятся уравновесить грецизированные и нейтральный его варианты, достигнув точности в переводе каждого элемента греческого оригинала на церковнославянский язык и в то же время понятности этого перевода. «Чистота» книжного языка достигается, по мнению сотрудников С. Лихуда, путем сужения сферы употребления «исприродных» — инославянских и греческих по происхождению элементов, воспринимаемых как заимствованные. Языковой пуризм книжников этого круга нашел отражение ранее в предисловии к «Лексикону Трехязычному» (1704 г.), где Ф. Поликарпов отмечает: «От разныхъ странъ приходящии своестранная речениа въ разговоры и въ книги привнесоша, на прикладъ, сербская, польская, малоросская. И такоу рѣснота и чистота славонская засмаша чужестранныхъ языковъ въ пещель» [89]. Пословицы переводы Е. Славинецкого и Евфимия, использовавшихся грецизированный вариант церковнославянского языка, оцениваются теперь как неубонопоинитные. Так, в своем доношении в Синод от 9.I.1723 г. Ф. Поликарпов писал: «Книга Григория Богослова Назначена с прочими, иже с ней, переведена необыкновенною славянщиною, паче же рещи елтицизмом, и затем о ней мнози недоумевают и отбегают» [99]; ср. [97, с. 74]; ср. отношение Николая Курлятева к языку переводов, выполненных Кириилом). Разграничивая мар-

---

книжников конвенционального направления. Так, например, выполненный Евфимием Чудовским перевод сочинений Дионисия Ареопагита был отредактирован Афанасием Холмогорским.

¹¹ Позиция Феофана Прокоповича в вопросах справки, высказанная им в «Мнении» 10.VIII.1736 г., нешла практического воплощения и потому не рассматривается в настоящей работе (текст «Мнения» см. в [93, прилож. VIII]; о нем см. [97, с. 122—124].

кировано книжные «еллинизмы» и нейтрально книжные (воспринимаемые как исконные) элементы церковнославянского языка, петровские справщики опираются на грамматику М. Смотрицкого, где проводится подобное разграничение. «Библиотрудники» 1710-х гг. ориентируются в основном на нейтрально книжные варианты, в то время как специфически книжные грецизмы (единичный Р. п. примененный, одиночное отрицание, инфинитивные обороты с *еже* и др.) используются ими в ограниченном объеме. Они употребляются либо для достижения однозначности контекста, либо в стилистической функции «пигитизмов», как показатели книжности текста.

Справщики 1741—1742 гг. К. Флоринский и Ф. Какоилович, для которых исходным служил текст петровских справщиков, понимают книжную правильность как буквальное соответствие славянского перевода греческому оригиналу. Правка этого периода (ЦГАДА, ф. 381, оп. 1 № 1059) состоит в замене нейтрально книжных вариантов на грецизированные, что проявляется на всех уровнях языка, кроме флексии, где справщики следуют однозначным правилам грамматики М. Смотрицкого. Их работа, однако, в течение 1740-х гг. подвергается пересмотру и практически не находит отражения в Елизаветинской Библии.

Принципы издания 1751 г. основаны на тех представлениях о книжной правильности, которые были выработаны «библиотрудниками» 1710-х гг. В основу издания был положен текст петровских справщиков. При сверке его с греческими оригиналами был внесен ряд дополнительных изменений славянского текста находило соответствие хотя бы в одном греческом тексте. Правильность славянского текста и языка понимается издателями как точность в переводе с греческого и соблюдение правил славянской грамматики. В предисловии к Библии 1751 г. В. Лащевский говорит об этом следующее: «Ничесоже от речений первая печати (Библии 1663 г. — *В. М.*) не премънено, точию то, еже не бѣ согласно въ значении греческому речению своди въ двоесловогласныхъ вышний и нижний текст и рассуждая, кое значение составу приличийшее: И то, еже не правиламъ грамматическимъ, и не по свойству языка славенскаго положено бѣ» [100]. Лингвистическое содержание этой декларации вытекает из характера правки, которую В. Лащевский и Г. Слоимский вносят в текст петровского времени. Она заключается в устранении тех употреблений (в частности, ряда грецизмов), которые, по мнению редакторов, не несут смысловозначительной нагрузки. Стилистически значимые грецизмы воспринимаются как проявления некомпетентности переводчиков, так как с точки зрения издателей 1751 г. грамматика церковнославянского языка усовершенствована настолько, что его средств вполне достаточно для передачи многообразных оттенков смысла. Стремление редакторов к соблюдению «чистоты» книжного языка объективно приближает его к русскому языку и делает более понятным, что, однако, не является результатом сознательной «русификации» (как полагали Н. А. Чистович, Н. И. Ильминский, Н. Е. Евсеев и др.), но достигается путем сокращения сферы употребления специфически книжных элементов [101]. Итак, с одной стороны, справщики стремятся установить пословное соответствие между оригиналом и переводом, с другой стороны — подчинить употребление грамматическим правилам и достигнуть понятности текста. Таким образом, в ходе книжной справы 1-й пол. XVIII в. складывается такое понимание книжной правильности, которое сочетает в себе элементы неконвенционального и конвенционального подходов к тексту. Тот факт, что текст Апостола, исправ-

ленный в 1678—1679 гг. усилиями справщиков двух направлений, практически без изменений включен в издание Библии 1751 г., свидетельствует о том, что принципы его исправления превосходили работу справщиков XVIII в.

Издание Елизаветинской Библии завершает активные нормализационные процессы в славянской книжности. Представления о книжной правильности, выработанные в ходе его подготовки, получают обобщение в церковнославянских грамматиках XVIII в. (таких, как рукописные «Технологии» 1720-х гг. Ф. Поликарпова и его Грамматика 1721 г., «Грамматика славенская» Ф. Максимова 1723 г., рукописная «Грамматика нова» Блонницкого 1754—1761 гг.), в которых эти представления служат основой описания.

В дальнейшем книжная справа принимает принципиально иное направление. Это связано с утверждением русского литературного языка нового типа и ограничением сферы использования церковнославянского языка рамками церковной культуры. Вместе с тем книжная справа утрачивает в значительной степени свою нормализаторскую функцию, ставя во главу угла проблему понятности церковнославянских текстов носителям русского языка. Попытки исправления библейских и богослужебных книг, принимаемые в XIX — начале XX в., имеют целью адаптировать церковнославянский язык к нормам современного русского литературного языка и осуществляются параллельно с переводами канонических текстов на русский язык [102].

8. Итоги. В истории книжной справки в России в эпоху функционирования церковнославянского языка как литературного (XI — середина XVIII в.) противопоставленными оказываются конвенциональный и неконвенциональный подходы к тексту. Первый из них сопряжен с идеей понятности книжного языка и использованием определенных грамматических правил; второй подход может проявляться двояким образом: как реставрация кирилло-мефодиевского текста путем пословного перевода с греческого и как консервация местной рукописной традиции. Коллизия этих подходов не исчерпывает проблематики книжной справки, однако дает тот угол зрения, который позволяет выявить представления русских книжников о правильности текста и языка. Каждый из компонентов этого понятия — отношение к грамматике, к рукописной традиции, к греческому оригиналу — может наполняться различным содержанием. На каждом новом этапе справки осуществляется диалектическое усвоение элементов конвенционального и неконвенционального подходов, однако само их противостояние при этом сохраняется. Столкновение различных взглядов на книжную правильность происходит, как правило, в периоды исторических и духовных перемен, что позволяет увидеть проблемы книжной нормы в более широкой историко-культурной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой И. И. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1963. С. 259—261.
2. Сперанский М. И. Разбор сочинений Г. А. Воскресенского // Зап. АН по ист.-филол. отд. 1899. Т. 3. № 5.
3. Калайдович И. Ф. Иоанн, ексарх болгарский. М., 1824.
4. Воскресенский Г. А. Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV века. Опыт исследования языка и текста славянского перевода Апостола по рукописям XII—XV вв. М., 1879. С. 6, 343.

5. *Амфилохий (Сергиевский)*. О древнем переводе Апостола. Об исправлении его. М., 1888. С. 12.
6. *Иннокентий (Павлов)*. Пролог Евангелия от Иоанна (I. 1—18) в славянском переводе. К истории философской мысли в славянских землях в IX—XVI веках // *Palaeobulgarica*. Старобългаристика. 1987. № 4. С. 6.
7. *Хабургаев Г. А.* Старославянский как язык средневековой славянской культуры // *Актуальные проблемы славянского языкознания* / Под ред. Горшковой К. В., Хабургаева Г. А. М., 1988.
8. *Живоа В. М.* Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // *Актуальные проблемы славянского языкознания*. М., 1988.
9. *Grivec F.* O svobodnih prevodih v staroslovenskih evangelijih // *Slavia*. 1956. T. XXV. № 2.
10. *Мошин В.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // *ТОДРЛ*. Т. XIX. М.; Л., 1963.
11. *Иванова-Мирчева Д.* К вопросу о характере болгарских переводческих школ от IX—X до XIV века // *Palaeobulgarica*. Старобългаристика. 1977. № 1.
12. *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старицы о церковнославянском языке. СПб., 1896.
13. *Vaillant A.* La préface de l'évangéliste vieux-slave // *RÉS*. 1948. V. XXIV.
14. *Алексеев А. А.* Кирилло-мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы (переводы св. Писания в славянской письменности) // *История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988 г.): Докл. советской делегации*. М., 1988.
15. *Hansack E.* Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungstils des Exarchen Johannes // *Die Welt der Slaven*. 1981. Bd XXVI. № 1.
16. *Keipert H.* Die albulgarische Übersetzung der Predigten des Gregor von Nazianz // *Slavistische Studien zum X. Internationalen Slavistencongress in Sofia*. 1988. Köln; Wien, 1988. S. 66—70.
17. *Сперанский М. И.* К истории взаимоотношений русской и юго-славянских литератур (русские памятники письменности на юге славянства) // *Изв. II Отд. АН*. 1921. Т. XXVI. С. 203—204.
18. *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). München, 1987.
19. *Успенский Б. А.* Русское книжное произношение XI—XII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // *Актуальные проблемы славянского языкознания* / Под ред. Горшковой К. В., Хабургаева Г. А. М., 1988.
20. *Алексеев А. А.* К истории русской переводческой школы XII в. // *ТОДРЛ*. Т. XLI. Л., 1988.
21. *Алексеев А. А.* Проект текстологического исследования кирилло-мефодиевского перевода Евангелия // *Сов. славяноведение*. 1985. № 1.
22. *Остромирово евангелие 1056—57 года...* изданное А. Востоковым. СПб., 1843. Л. 294 об.
23. *Наборник 1076 года* / Изд. подг. Голышенко В. С., Дубровина В. Ф., Демьянов В. Г., Нефедов Г. Ф. М., 1965. С. 701.
24. *Голетой И. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 39—42, 144—148.
25. *Talev J.* Some problems of the Second South Slavic influence in Russia. München, 1973.
26. *Соболевский А. И.* История русского литературного языка / Изд. подг. Алексеев А. А. Л., 1980.
27. *Дуйчев П.* Центры византийско-славянского общения и сотрудничества // *ТОДРЛ*. Т. XIX. М.; Л., 1963.
28. *Вадаринов Г. П.* Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // *ТОДРЛ*. Т. XXXIII. Л., 1968.
29. *Freydank D.* Zur Sprache Grigorij Canblaks // *ZL*. 1988. Bd XXXIII. № 3.
30. *Goldblatt H.* The Church Slavonic language question in the fourteenth and fifteenth centuries: Constantine Kostenec's skazanie iz javljeno o pismenex // *Aspects of the Slavic language question*. V. 2. New Haven, 1984.
31. *Horálek K.* Evangeliáře a čtveroevangelia: Příspěvky k textové kritice a k dějinám staroslovenského překladu Evangelia. Praha, 1954. S. 37.
32. *Tröst K.* Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späteren Kirchen-slavischen: Die Abstrakta in der Hexaemeronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469. München, 1978.
33. *Чешко Е. В.* Особенности надежного синтаксиса в среднеболгарских псалтырях правительственной редакции // *Първа комплексна международна конференция по бълга-*

- ристка, посветена на 1300-годишнината от създаването на Българската държава (Шумен, 25.IV—1.V.1979 г.)
34. Чешко Е. В. Об Афонской редакции славянского перевода Псалтыри в ее отношении к другим редакциям // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 82—85.
  35. *Freydank D.* Zur Charakteristik der Sprache Grigorij Camblaks // *Bulgarische Sammlung*, Bd 6. Neuriet, 1986.
  36. Амфилохий, архим. Что внес св. Киприан, митрополит Киевский и всяя России, а потом Московский и всяя России, из своего наречия и из переводов своего времени в наши богослужебные книги? // Тр. III Археологического съезда. Т. 2. Киев, 1878.
  37. Князевская О. А., Чешко Е. В. Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Тырновского // Тырновска книжовна школа. Т. 2. София, 1980.
  38. Чешко Е. В. Второе южнославянское влияние в редакции псалтырного текста на Руси (XIV—XV вв.) // *Palaeobulgarica*. Старобългаристика. 1981. № 4.
  39. Вадорнов Г. Исследование о Киевской Псалтыри. М., 1978.
  40. Жучковская Л. П. Типология рукописей древнеславянского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности. М., 1968. С. 238.
  41. Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984. С. 35—38.
  42. Куев Куйо М., Цетков Г. Събрани съчинения на Константин Костенечки. Изследване и текст. София, 1986.
  43. Живов В. М. Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник // *Russian linguistics*. 1986. V. X. № 1. Рец. на кн.: Worth D. S. The origins of Russian grammar: Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars. Columbus, 1983, 176 p.
  44. Максим Грек. Сочинения. Т. III. Казань, 1862. С. 62.
  45. Костун Л. С., Симицица Н. В., Фонкич Б. Л. Максим Грек и славянская Псалтырь (сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI в.) // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973.
  46. Keiperl H. Nil Kurljatev und die Russische Sprachgeschichte // *Litterae Slavicae Mediaevi* Francisco Venceslao Mares Sexagenario Oblatae. München, 1985. S. 154.
  47. Костун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII века. Л., 1975.
  48. Судимые списки Максима Грека и Исаака Собака / Над. подг. Покровский И. П. Под ред. Шмидта С. О. М., 1971.
  49. Живов В. М., Успенский Б. А. Претеритные формы глагола «быти» в русском языковом сознании XVI—XVIII вв. // *Russian Linguistics*. V. X. № 3.
  50. Клаос Б. М. Книги, редактированные и писанные Иваном Черным // Зап. отд. рукописей ГБЛ им. В. И. Ленина. 1971. Т. XXXII.
  51. Евсеев И. Е. Геннадиевская библия 1499 года. М., 1914.
  52. Алексева А. А. Текстологическое значение Геннадиевской библии 1499 года // Международная конференция «Богословие и духовность Русской Православной Церкви», посвященная 1000-летию Крещения Руси (Москва, 11—19 мая 1987 г.). М., 1988.
  53. Алексева А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 года // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги. Л., 1978.
  54. Юнгеров П. Общее историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги. Казань, 1910.
  55. Olmsted H. M. A learned Greek monk in Muscovite exile: Maksim Grek and the old testament prophets // *Modern Greek Studies*. 1987. V. 3.
  56. Таубе М., Olmsted H. M. «Povest» o Esfiri: The Ostroh Bible and Maksim Grek's Translation of the Book of Esther // *Harvard Ukrainian studies*. 1987. V. XI. № 1/2.
  57. Калмент Озридски. Събрани съчинения. Т. 3: Простраци жития на Кирил и Методий. София, 1973. С. 44—45.
  58. Библия сиречь книги ветхаго и новаго завета по языку словенску. (Острог), 1581.
  59. Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 1. Ч. 1. М., 1855.
  60. Евсеев И. Е. Очерки по истории славянского перевода библии. Пг., 1916. С. 84—147.
  61. *Freidhof G.* Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/1581). Frankfurt am Main, 1972.
  62. Исаевич Я. Д. Острожская Библия как памятник межславянских культурных связей // Федоровские чтения. 1981. М., 1983.

63. *Копреева Т. П.* Иван Федоров, Острожская Библия и новгородский кружок книжников конца XV века // Федоровские чтения. 1981. М., 1983. С. 99.
64. *Жуковская Л. П.* Некоторые замечания об орфографии Острожской Библии // Федоровские чтения. 1981. М., 1983.
65. Стоглав. СПб., 1863. С. 95.
66. *Скворцов Д.* Дионисий Зобнинский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря. Тверь, 1890.
67. *Успенский В. А.* Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI—XVII вв.) // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988.
68. *Титов Ф.* Матеріали для історії книжної справи на Україні XVI—XVIII вв. Всьогобірка передмов до українських стародруків. Київ, 1924. С. 210.
69. Препие литовского протопопа Лаврентия Зизания с пугменом Илею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием катихизиса // Летописи русской литературы и древности / Сост. Тихонравов Н. И. Т. 2. Кн. 4. М., 1859. С. 87—88.
70. Пролог. М., 1643. Л. 951об.
71. *Макарий, архиеп.* История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855. С. 146—147.
72. *Сиромаша В. Г., Успенский В. А.* Кавычные книги 50-х годов XVII в. // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 79—84.
73. *Uspenskiy V. A., Živov V. M.* Zur Spezifik des Barock in Russland // Slavische Barockliteratur. 1983. № 2.
74. *Афанасий Холмогорский.* Увет духовный. М., 1682.
75. *Никольский Н.* Материалы для истории исправления богослужебных книг (Об исправлении Устава церковного в 1682 году и месячных Миней в 1689—1691 гг.). СПб., 1896.
76. *Гезен А.* История славянского перевода символов перы. СПб., 1884. С. 126—128.
77. *Сиромаша В. Г.* Языковые представления книжников Московской Руси второй половины XVII века и «Грамматика» М. Смотрицкого // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1979. № 1.
78. Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Росанова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., 1862. С. 35.
79. *Полоцкий С.* Жезл правления. М., 1666. Л. 56.
80. *Прозоровский А. А.* Сильвестр Медведев, его жизнь и деятельность. М., 1896. С. 178.
81. *Брайловский С.* Очерки из истории просвещения в Московской Руси в XVII веке // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1890. № 3. С. 434.
82. *Брайловский С.* Отношения Чудовского инока Евфимия к Симеону Полоцкому и Сильвестру Медведеву (Страничка из истории просвещения в XVII столетии) // РФВ. 1889. Т. 22. № III. С. 269.
83. *Страхова О. В.* Из истории церковнославянской окказиональной лексики конца XVII в. // Этимология. 1985. М., 1988.
84. *Евгений (Болховитинов).* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. Т. I. СПб., 1827. С. 180.
85. *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 291.
86. *Филарет (Гумилевский).* Обзор русской духовной литературы. Кн. I. СПб., 1884. С. 236.
87. *Зеньковский С.* Русское старообрядчество. Мюнхен, 1970.
88. Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита // Под ред. Субботина П. Н. Т. I—IX. М., 1875—1899.
89. *Бороздин А. К.* Протопоп Аввакум. Очерк из истории духовной жизни русского общества в XVII веке. СПб., 1898. С. 107.
90. *Демкова И. С.* Из истории ранней старообрядческой литературы (I: «Писанейце» Аввакума Ф. М. Ртищеву. II: Отрывок из неизвестного сочинения Аввакума об антихристе. III: О старце Епифании Нелшеском, последователе Аввакума, тезке соловецкого инока Епифания) // ТОДРЛ. 1974. Т. XXVIII. С. 388.
91. *Сменцовский М.* Братья Лихуды. СПб., 1899. С. VI—XXVI.
92. *Демкова И. С.* Житие протопопа Аввакума. Творческая история произведения. Л., 1974. С. 127.
93. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. III. СПб., 1878.
94. *Чистович И. А.* Исправление славянского перевода Библии перед изданием 1751 года // Православное обозрение. 1860. Т. I—II.

95. *Сменцовский М.* Пересмотр исправлений славянского перевода Библии перед изданием ея в 1751 году // Прибавления к церковным ведомостям. 1900. № 29—30.
96. *Mathiesen R. C.* The inflectional morphology of the Synodal Church Slavonic verb. Columbia University, 1972. P. 161.
97. *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.
98. *Поликарпов Ф.* Лексикон трехязычный. М., 1704. Л. 6.
99. *Брайловский С. Н.* Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии // ЖМНП. 1894. № 9. С. 31.
100. Библия сиречь книги священнаго писания... СПб., 1751. Л. 13.
101. *Бобрик М. А.* Книжная справа первой половины XVIII века и проблемы нормализации русского литературного языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1988.
102. *Сове В. И.* Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX—XX веках // Богословские труды. 1970. Т. V.